

правды, справедливости и праведности. Искал, но видимо, не находил – ни в самой реальности... ни в самом себе.

Примечания

- ¹ См.: Неизвестный Всеволод Иванов : Материалы биографии и творчества. М., 2010. С. 1–26 ; Папкова Е. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных» : На перекрестке советской идеологии и национальной традиции. М., 2012.
- ² Корниенко Н. От редакции. Филология прошлого и будущего // Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. М., 2009. С. 10–11.
- ³ Гельфанд М. Всеволод Иванов // Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 4. М., 1930. С. 403.
- ⁴ Иванов В. Тайное тайных. М., 2012. С. 93. (Сер. «Литературные памятники».) Далее повесть «Бегствующий остров» цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁵ Подробнее см.: Иванов В. Тайное тайных. С. 477.
- ⁶ Городской Центр истории Новосибирской книги (ГЦИНК). Ку-РДА-1/208. Л. 21.
- ⁷ Цит. по: Новоселов А. Беловодье : повести, рассказы, очерки. Иркутск, 1981. С. 398–401.
- ⁸ Там же. С. 168.
- ⁹ Цит. по: Гребенищев Г. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Барнаул, 2013. С. 462–465.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Новоселов А. У старообрядцев Алтая // Новоселов А. Беловодье. С. 396.
- ¹² Иванов В. Голубые пески. М., 1923. С. 317–318.
- ¹³ См.: Иванов В. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. Новосибирск, 2015. С. 338.
- ¹⁴ Всеволод Иванов : Критическая серия. М., 1927. С. 91.
- ¹⁵ См.: Писатели об искусстве и о себе. М., 1924. С. 59.
- ¹⁶ См.: НИОР РГБ. Ф. 673. К. 62. Ед. хр. 1, 7.
- ¹⁷ Иванов В. Тайное тайных. С. 328.
- ¹⁸ Лестовка – старообрядческие четки, кожаные или матерчатые; подручник – молитвенный коврик.
- ¹⁹ См.: Папкова Е. Легенда о Беловодье в творчестве В. Иванова // Филологические науки : науч. докл. высш. шк. 2009. № 5. С. 29–37 ; Она же. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»... С. 232–262.
- ²⁰ Новоселов А. Беловодье. С. 403.
- ²¹ Чистов К. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2011. С. 297.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 292.
- ²⁴ Там же. С. 276.
- ²⁵ Там же. С. 401–412.
- ²⁶ Клибанов А. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 221.
- ²⁷ Там же. С. 220–221.
- ²⁸ Там же. С. 223.
- ²⁹ Чистов К. Указ. соч. С. 402.
- ³⁰ Машинописный автограф повести М. Плотникова «Беловодье» хранится в РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 162. Впервые опубликована: Сибирские огни. 2011. № 4. С. 140–154. Публикация Е. А. Папковой.
- ³¹ Чистов К. Указ. соч. С. 442.
- ³² Бухарин Н. Избранные произведения. М., 1988. С. 317–318.
- ³³ «Совершенно секретно...» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934) : сб. док. Т. 4. М., 2002. С. 318–319.
- ³⁴ Московская Д. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг. : К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М., 2010. С. 170, 177.
- ³⁵ Советская Сибирь. 1924. № 23 (1265). 29 янв. С. 4.

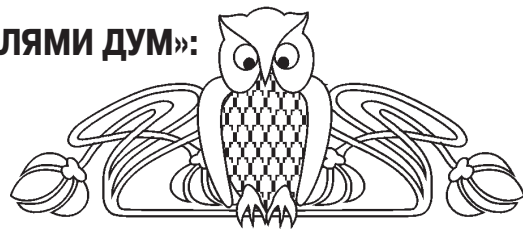
УДК 821.161.1.09:351.751.5+929Кржижановский

«БОРЬБА ВЛАСТИТЕЛЕЙ ДУМ С БЛЮСТИТЕЛЯМИ ДУМ»: О НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПУБЛИКАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Е. Г. Трубецкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: etrubetskova@gmail.com

В статье анализируются обстоятельства цензурного запрета публикации художественных и теоретических работ С. Д. Кржижановского в конце 1950-х гг. Впервые привлекаются ранее не опубликованные внутренние рецензии на произведения автора из архивов издательства «Советский писатель», материалы комиссии по литнаследству писателя и письма его друзей (РГАЛИ).
Ключевые слова: С. Кржижановский, А. Западов, А. Зонин, В. Залесский, А. Пузиков.

«Regents of Our Dreams Struggling with the Guardians of Our Minds»: On S. D. Krzhizhanovsky's Works That Failed to Be Published During the «Thaw» Period

E. G. Trubetskova

The article analyzes the circumstances of fiction and theoretical works by S. D. Krzhizhanovsky being banned for publication at the end of the 1950s due to censorship. For the first time unpublished internal reviews of the author's works from the archives of the publishing house «Sovietsky pisatel» are drawn on, as well as the materials of the committee on the writer's literary legacy, and the

letters of his friends (RGALI – Russian State Archive of Literature and Art).

Key words: S. Krzhizhanovsky, A. Zapadov, A. Zonin, V. Zaleskiy, A. Puzikov.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-1-76-84

Произведения Сигизмунда Кржижановского стали известны читателям только спустя почти сорок лет после смерти автора. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. благодаря В. Г. Перельмутеру вышли три сборника прозы и литературоведческие статьи Кржижановского, а позднее (в 2001–2013 гг.) – Собрание сочинений в шести томах¹. Почему произведения писателя не публиковали при жизни – читателю, знающему историю XX в., очевидно. Парадоксальность мировосприятия и природное чувство свободы, блестящая эрудиция, виртуозное владение словом, изящная ирония обусловили «невписанность» автора в контекст литературы соцреализма. Но работа с архивом писателя показывает, что была реальная возможность публикации его произведений во время «оттепели». Почему она осталась неосуществленной и имя Кржижановского еще на протяжении тридцати лет было «выключено» из литературы? Какие «подводные течения» здесь сыграли решающую роль? Материалы архивов издательства «Советский писатель» и материалы комиссии по литературному наследию Кржижановского позволяют приблизиться к пониманию происходящего в то время, отчасти дают ответы на эти вопросы.

После смерти писателя 28 декабря 1950 г. его жена Анна Гавриловна Бовшек систематизировала и описала его архив, перевела все рукописи в машинопись и впоследствии передала данные копии в ЦГАЛИ (РГАЛИ). О необходимости это сделать писал друг Кржижановского, музыковед Анатолий Константинович Буцкой, в марте 1951 г.: «Как обстоят дела с передачей рукописей в литерат.<урный> архив? Мне кажется, что Вы неверно толкуете “историческое значение”. Ведь все сделанное С. Д. (Кржижановским. – Е. Т.) представляет определенную историческую ценность и охватывает определенную эпоху эволюции советской интеллигенции. И вряд ли это понятие надо понимать сужено. Поэтому я советую договориться с представителем Гос. Лит. Архива о передаче ему всех рукописей С. Д. (Кржижановского. – Е. Т.), оставив по экземпляру у себя. Напишите мне, нужно ли мне предпринять в этом направлении какие-либо шаги здесь, в Ленинграде? С удовольствием сделаю все, что нужно»².

Позднее, в 1967 г., переезжая из Москвы в Одессу, Бовшек забрала оригинал всех рукописей Кржижановского с собой. После ее смерти сестра, Е. Г. Довгань, передала все эти бумаги в Одесское отделение Литфонда Украины³. Дальнейшая судьба этих материалов – подлинного архива Кржижановского – неизвестна.

В середине пятидесятых друзья писателя: Е. Г. Лундберг, А. А. Аникст, А. М. Арго – принимают попытку публикации произведений писателя. В ноябре 1956 г. Евгений Германович Лундберг пишет Анне Гавриловне: «Арго сказал мне, что пора поднять вопрос о литературном наследии милого Кржиж<ановского>. Я уже с полгода упорно думаю об этом. Откладывал встречу с Вами – кроме создавшейся общей инерции, меня заботила мысль, как бы не заговорить на эту тему слишком рано, в неподходящий политический момент. В Союзе Писателей предполагаются перемены... Политический горизонт достаточно хмур. Получив отказ, придется долго ждать следующей попытки.

Надо напомнить о Кржиже, большом писателе, загубленном сталинским террором <...> Очевидно – по предложению Арго – нам придется на днях собраться, чтобы выработать обращение к Союзу Писателей, наметить ближайшие шаги. Арго предложил привлечь и Е. Л. Ланна <...>»⁴

В 1957 г. г. А. Г. Бовшек обращается в секретариат Союза писателей с просьбой назначить комиссию по рассмотрению литературного наследия Сигизмунда Доминиковича Кржижановского. И 27 мая того же года получает ответ от В. Н. Ильина, ответственного секретаря Правления Московского отделения Союза писателей⁵, с положительным ответом и вопросом, кого сама Анна Гавриловна считает необходимым видеть в составе данной комиссии⁶.

После ответа Бовшек 20 июня 1957 г. выходит постановление Президиума правления Московского отделения Союза писателей «Об образовании комиссии по литнаследию покойного писателя Сигизмунда Доминиковича Кржижановского <...> в составе: Е. Л. Ланн – Председатель Комиссии. А. А. Аникст, В. Ф. Асмус, В. А. Дынник, А. Г. Бовшек – члены комиссии» (протокол № 14)⁷.

После года кропотливой работы комиссии весной 31 мая 1958 г. Е. Л. Ланн как председатель обращается в Президиум Московского отделения Союза писателей с просьбой рассмотреть возможность издания произведений Кржижановского в 2 томах. «После тщательного изучения литературного наследия С. Д. Кржижановского Комиссия отобрала ряд его произведений, которые *считает совершенно необходимым предложить* изд-ву “Советский писатель” для издания в двух томах: один том художественных произведений и один том литературоведческих. Копии двух протоколов заседаний Комиссии от 31 мая 1958 года и 29 марта 1958 препровождаю. 31 мая 1958»⁸.

Как следует из протокола заседания комиссии по литнаследию Кржижановского, отбор художественных произведений осуществляла Валентина Александровна Дынник (переводчик, специалист по французской литературе), критических статей – известный советский шекспировед Александр Абрамович Аникст⁹.

Двухтомник должен был состоять из следующих произведений.

«1 том

1. Шекспир.

Поэтика шекспировских хроник. Шаги Фальстафа. Сэр Джон Фальстаф и Дон Кихот. Коме-диография Шекспира. Фрагменты о Шекспире. Военные мотивы у Шекспира. Концовки Шекспировских пьес. Песенки Шекспира. Детские персонажи у Шекспира. Воображаемый Шекспир. Забытый Шекспир.

2. Теория литературы и драматургия

Поэтика заглавий. Искусство эпиграфа. Лермонтов читает «Онегина». Писательские святцы Чехова. Русский солдат в мире сказок. Этюды об Островском. Образ Чайки (в пьесе Чехова «Чайка»). Театральная ремарка. История одной рукописи. Драматургические приемы Шоу. Одноактный Шоу.

3. А. Фредро

Драматургия А. Фредро¹⁰.

2 том

Худ. лит.: сб. Сказки для вундеркиндов. Чужая тема. Рассказы»¹¹.

В. Г. Перельмутер, упоминая эту историю с несостоявшейся публикацией Кржижановского, в комментарии к четвертому тому Собрания сочинений писателя отмечает, что «издание не состоялось – во многом стараниями официального театроведа, тогдашнего редактора журнала «Театральная жизнь» В. Ф. Залесского: в разгромной «внутренней рецензии» он обвинял автора – ни больше и ни меньше – в том, что «в оценке реального и нереального он целиком разделяет позиции такого деятеля декадентского театра, как Гордон Крэг...», и категорически-страстно итожил: «Издавать это бессмысленно!» (похоже, что сие – единственный «яркий след», оставленный вельможным рецензентом в истории отечественной словесности)»¹².

Действительно, отрицательная рецензия Залесского и подробный ответ на нее А. Г. Бовшек хранятся в архиве Кржижановского. Но архивные материалы издательства «Советский писатель» свидетельствуют, что Залесский здесь был далеко не одинок. Всего критических рецензий на предложенный двухтомник было четыре: по две на каждый том, две из них резко отрицательные.

Художественные произведения писателя (предполагаемый 2-й том двухтомника) были переданы в редакцию русской советской литературы издательства «Советский писатель», а критические (1-й том) – в редакцию критики и литературоведения.

Писать рецензии на прозу Кржижановского было поручено А. В. Западову и А. И. Зонину. Их отзывы хранятся в архиве издательства.

А. В. Западов – в то время заведующий кафедрой истории русской литературы и журналистики МГУ, ученик Г. А. Гуковского, который, по словам Е. Эткинда, «раньше многих предал учителя»¹³,

активный участник многих партийных «проработок», произведения Кржижановского расценил как идеологически вредные, ничего не могущие дать советскому читателю.

Начав свой отзыв с попытки разобраться в причинах, по которым произведения писателя не были опубликованы ранее, и даже отмечая, что «чтение рассказов и повестей позволяет увидеть в авторе умного и весьма образованного человека, наделенного богатым даром фантазии и обладающего несомненным даром слова»¹⁴, Западов подробно анализирует идейную составляющую повестей и рассказов Кржижановского. Он доказывает, что «они не так безобидны, как может показаться на первый взгляд». Так, рассказ «Боковая ветка» (1931), «написанный в первый год борьбы трудящихся нашей страны за выполнение промфинплана <...> пародирует советские лозунги и подменяет реальное существование программы построения социализма картинками перевыполнения планов заготовки «снов для людей»». Возмущают критика плакаты явно пародийного содержания: «Все на тяжелую индустрию тяжелых снов!» и «За власть поэтов»¹⁵.

Кроме того, как осмеяние социалистического строя воспринимает рецензент часто встречающуюся у Кржижановского тему «исчезновения чего-либо, ставшего необходимым человеку». «Внезапно убежали буквы. Газеты – чистые листы бумаги <...> цифры и подписи «ушли» с денег и дипломатических документов <...> Пианист играет на рояле без струн «Немая клавиатура», у другого пианиста сбежали пальца правой руки <...> Известный писатель в повести «Клуб убийц букв» (1926) решает бросить перо, не читать книг «и вернуться назад в царство чистых, неовещественных, свободных замыслов» <...>»¹⁶

Вывод Западова вполне прогнозируемый: «Потому и не приобрели его (Кржижановского – Е. Т.) рассказы общественного значения, что писатель остался в стороне от магистралей развития советской литературы, ему нечего было сказать новому читателю. Дарование же, не освещенное идеей, вырождается и гибнет. И воскрешать хитросплетенные литературные выдумки было бы теперь излишне»¹⁷. «Идейное содержание творчества писателя – не пустые слова, именно им определяется общественно-художественная ценность произведений, их жизненность. Рассказы и повести С. Д. Кржижановского в этом смысле ничего не могут дать советскому читателю и не имеют права на его внимание. Не интересны они и в историко-литературном плане, ибо все не характерны для советской литературы. Автор в своей писательской манере зависит от Андрея Белого, некоторые страницы напоминают Честертон – достаточно ли для того, чтобы занять место в истории литературы?»¹⁸

В контексте трагической судьбы Кржижановского цинично звучит заключительный вывод рецензента: «В своей творческой жизни

покойный писатель не стремился к общению с широкими читательскими кругами и, видимо, не испытывал потребности в этом контакте. Он писал “для себя”, как его герой Зез, для немногих избранных, способных оценить его острый слух и умение изобрести неожиданный сюжетный ход. Зачем же пытаться создавать ему новую литературную биографию и устраивать встречу с читателем, от которого покойный автор был так далек в свое время? Полагаю, что сборник повестей и рассказов С. Д. Кржижановского не может быть принят к печати издательством “Советский Писатель”¹⁹.

Вторым рецензентом на представленный сборник прозы Кржижановского стал А. И. Зонин – тогда достаточно известный писатель: критик, человек сложной трагической судьбы: комиссар полка во время Гражданской войны, активный участник РАППа и ВАППа, переведенный из Москвы на Дальний Восток после несвоевременно восторженной статьи о Маяковском, участник финской и Великой Отечественной войн, описавший свои походы на подводной лодке и военных кораблях в романах, подвергшихся жесткой критике за дегероизацию и очернительство военноморского флота, капитан III ранга, награжденный орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, он был арестован в 1949 г. по обвинению в троцкизме и космополитизме (его настоящая фамилия – Бриль) и приговорен к 10 годам лагерей, в 1955 г. реабилитирован. По воспоминаниям сына, он отказался восстанавливаться в партии, когда узнал, что недавно был восстановлен в ее рядах Г. Мирошниченко, писавший на него и на многих других ложные доносы²⁰.

Трудно сказать, что в отзыве Зонина сыграло решающую роль – внушенная жизненным опытом осторожность или эстетическое неприятие и чуждость прозы Кржижановского. Но в своей рецензии он резко критикует писателя, порой вспоминая рапповскую лексику 20-х гг. Свой отзыв он сопровождает запиской, написанной от руки, с просьбой не показывать его рецензию вдове писателя: «Я вынужден был для ясного высказывания своей оценки тв<орчест>ва Кржижановского <пойти> на некоторые резкости. Вряд ли целесообразно знакомить поэтому с рецензией без купюр (так. – Е. Т.) вдову писателя. Впрочем, это дело редакции. С уваж. Подпись (А. Зонин) 1.7.1958»²¹.

Рецензент отмечает, что произведения Кржижановского, проникнутые пессимизмом, индивидуализмом, не могут «участвовать в воспитании строителей коммунистического общества»²². Жизненные установки героев абсолютно чужды советским людям. Как примеры приводятся высказывания из «Швов»: «Человек человеку призрак», «Сохранить себя можно лишь в себе<...> Жить люди могут лишь спинами друг к другу»²³.

А. И. Зонин отмечает, что «эта оторванность от реального мира» предопределила тот факт, что

в произведениях Кржижановского «прорывы в действительность крайне редки и всегда приводят к издевке над действительностью»²⁴. «Мир произведений писателя поэтому фантастический, а фантазия носит бредовый (подчеркнуто ручкой. – Е. Т.) характер. То обстоятельство, что она имеет внутреннюю логику, так сказать, систематизирована, не исключает элемента болезненности психики. Ведь и параноики и шизофреники в известном периоде развития мозговой болезни способны к литературному творчеству. А относить к здоровому ощущению прекрасного, видеть воплощение нормальных эстетических представлений во многих и многих произведениях Кржижановского невозможно. Мы имеем налицо эстетическую канонизацию Безобразного (фраза написана чернилами от руки. – Е. Т.)»²⁵.

Далее рецензент на основе анализа рассказов «В зрачке», «Поэтому», «Биография Горгиса Катафалаки» делает автору неожиданный упрек в содержании в его произведениях «извращенных уроков сексуальности»: «...отношения мужчины и женщины в любви сведены к самым скотским отношениям»²⁶. Причины нездоровой фантазии, пессимизма автора рецензент видит в том, что «широко образованный, творческий человек С. Д. Кржижановский» выпал из нашей действительности²⁷.

Справедливо отмечая постоянное внимание писателя к форме слова: «“Опыт” для него прежде всего в словесных конструкциях, в мысли, получающей буквенную фиксацию», А. И. Зонин видит в этом не признак писательского мастерства, а пренебрежение родным языком: «...богатство русского языка кажется автору недостаточным. По принципам других языков он образует новые существительные, создает составные определения.

Приведу по памяти некоторые слова: “в тусклombreзге, сноводчество, заспать впечатление <...> философский серъез, <...> влажь, скользь <...> Мнимословный, лесостволье, молчь”.

Вообще же язык тяжелый; рационализм его, лекторская интонация и наукообразность сближают с языком недостаточно литературных переводов»²⁸.

Задавая риторический вопрос, что же из отобранного комиссией по литературному наследию Кржижановского можно рекомендовать для публикации, А. И. Зонин называет 22 рассказа²⁹ и подводит итог: «А всего правильнее было бы печатать специальные исследования Кржижановского и отдельным разделом книги познакомить с ним, как с беллетристом, обстоятельно пояснив в статье особенности его творчества»³⁰.

Таким образом, рецензия Зонина была не столь категорична, как отзыв Западава, и не исключала возможности публикации нескольких рассказов писателя. Тем не менее редакция принимает отрицательное решение.

24 октября 1958 г. исполняющая обязанности заведующей редакции русской советской литера-

туры издательства «Советский писатель» В. Солнцева сообщила комиссии по литературному наследию С. Д. Кржижановского, что, рассмотрев представленные к публикации тексты, редакция пришла к выводу, что «рукопись страдает идейно-художественными недостатками и мы не считаем возможным принять ее к изданию»³¹.

Такая же участь постигла и том критических исследований Кржижановского. Рецензентами его стали уже упомянутый В. Перельмутер, В. Залесский и А. Пузиков.

В. Залесский, отмечая энциклопедическую эрудицию автора, «ряд тонких наблюдений <...> отдельных оригинальных суждений, остроумных догадок, интересных умозаключений», сделанных Кржижановским, обвиняет его в «предельном субъективизме»³² и отсутствия в его критических работах главного – «разговора о самом Шекспире – великом драматурге, сердцеведе, знатоке человеческого характера»³³: «...нас поражает огромное количество разных побочных, по существу мало-значущих замечаний, предельно субъективных заключений, нафантазированных положений, весьма характерных для склада ума критика, но очень далеких от Шекспира»³⁴.

Предъявляя свой «гамбургский счет» автору, Залесский пишет, что при чтении статей Кржижановского «возникает такая “ситуация”: нам обещали подать на жаркое “бифштекс по-гамбургски”. Блюдо подали, на нем оказалось много диковинной приправы, всяких пряностей (так. – Е. Т.). Но вот беда! Забыли подать самый бифштекс!»³⁵

По мнению Залесского, рецензируемые им работы очень фрагментарны и формалистичны: «Автор не показал нам живого Шекспира. Он расщепил его на клетки, участки, как это делает с трупом патолого-анатом (так. – Е. Т.). В результате получился “препарированный” “анатомизированный” Шекспир». Так же, как и в рецензии Зонина, в отзыве Залесского говорится о сложном языке Кржижановского, увлекающегося «игрой слов, “фразеологической пиротехникой”»³⁶.

Критик доказывает, что автор анализируемых статей искажает «наиреалистическое творчество Шекспира, превращая <его> в какого-то декадента-символиста!»³⁷ Основанием для такого упрека служит пристальное внимание Кржижановского к мотиву сна у Шекспира. «Что же получается? Довольно странное умозаключение, сводящееся к попытке доказать, что жизнь – это сон, а сон – это смерть. И все! Остальное гарнир, приправа»³⁸. Снова у критика появляется кулинарная тема.

Как приговор звучит вывод Залесского, что Кржижановский в своих статьях «ведет упорную борьбу с реализмом, великим реализмом Шекспира. Фактически это борьба и с материализмом <...> Чтобы разрушить “реализм” Шекспира, автор исследований придумывает специальный термин “реалиоризм”. Кржижановский утверждает, что “реалиоризм” преодолевает медлитель-

ность быта, соединяет (так. – Е. Т.) мысли-факты идти голова в голову рядом с “фактами-фактами” <...> <Кржижановский> как исследователь Шекспировского творчества, дальше принципы буржуазно-эстетской критики не пошел <...> Своими рассуждениями С. Кржижановский> востает (так. – Е. Т.) на позиции мистического символизма, фактически, иногда явно, иногда завуалировано, утверждая, что “небытие” лучше бытия, а если не лучше, то во всяком случае, значительнее, серьезнее, достойнее»³⁹.

«В итоге, – пишет Залесский, – “исследования” («Фрагменты», «Этюды о Шекспире») (вставка ручкой. – Е. Т.) по главным проблемам, ни познавательного (вставка ручкой. – Е. Т.), ни научно-аналитического значения не имеют и ничего ценного в советскую шекспириаду не прибавляют. Все это только игра в слова, понятия, парадоксы. Издавать это бессмысленно!»⁴⁰

Так же субъективны и фрагментарны, с точки зрения Залесского, и другие работы Кржижановского, впоследствии ставшие классическими: «Поэтика заглавия» и «Искусство эпитафии»: «... любопытные, но во многом претенциозные рассуждения, в которых автор высказывает немало интересных замечаний, но ценность которых для читателя почти невесома. Так, мысли-факты, без которых можно свободно прожить. Знание их ничего не прибавляет, а только утомляет нашу память и воображение»⁴¹.

Именно отзыв Залесского стал известен Анне Гавриловне Бовшек, и она пишет ответ рецензенту, пытаясь показать односторонность и предвзятость его суждений, особенно выводов о мистицизме и принадлежности Кржижановского «к лагерю буржуазных эстетов»⁴². На упрек в увлеченности деталями во вред целому она возражает, что Кржижановский «пытался войти в лабораторию творчества Шекспира не как критик, а как художник, стремящийся постигнуть приемы творчества художника близкого ему и в то же время в силу огромности таланта еще далеко не разгаданного <...> Если ботаник, изучая строение растения по отдельным его частям – венчик, пестик, тычинки, не может собрать в целостный живой цветок разъятые части, то в искусстве не так. Художественное произведение остается и после изучения его по частям вечно зеленым деревом жизни»⁴³.

Отвечая на обвинение Залесского в пристрастии к игре словами (этот же упрек был высказан и А. Зониным в отношении прозы писателя), Бовшек обращает внимание рецензента на соприродность в этом случае исследовательского подхода и объекта изучения: «Во времена Шекспира она (игра словами. – Е. Т.) была искусством, которое культивировалось его современниками <...> В игре слов есть радость так же, как в игре красок»⁴⁴. А. Г. Бовшек еще надеется, что сборник Кржижановского можно будет издать: «Мне часто приходилось слышать, что С. Д. Кржижановский»

талантливый писатель <...> Когда умирает писатель, его мысли и труды не стремятся лечь под могильную плиту. Пусть же то, что живо, ново и интересно сохранит жизнь. И хорошо, если эту жизнь избранным рукописям Кржижановского даст «Советский писатель». Было бы желательно выпустить сборник: «Избранное о драматургии»⁴⁵.

Второй отзыв – А. И. Пузикова, специалиста по французской литературе, – во многом перекликается с рецензией Залесского. Автор отзыва так же отмечает «блестящую эрудицию» Кржижановского и «знание эпохи», но пишет о читательском разочаровании от переизбытка подробностей, частных наблюдений. «Буквально утопаешь в море мелких, хотя может быть и интересных фактах. Творчество величайшего из классиков мельчится, предстает перед нами в каких-то ничтожных подробностях, а целого образа не получается»⁴⁶.

Пузиков показывает, что статьи «Комедия Шекспира», «Поэтика шекспировских хроник» «насквозь формалистичны»⁴⁷, «страшно далеки от того, к чему пришло сейчас советское шекспироведение»⁴⁸. Статья «Комедии молодого Шекспира» произвела на рецензента более благоприятное впечатление, и он даже говорит о возможности ее публикации, но с серьезной доработкой, тут же задавая риторический вопрос: «Но можно ли провести редакторскую работу, когда автора нет в живых?»⁴⁹ И здесь, отчасти противореча самому себе, Пузиков по-другому оценивает эрудицию Кржижановского: «Крайне дурное впечатление оставляет кокетничание образованностью, эрудицией. Это своеобразная игра приводит к нанизыванию фактов, не имеющих никакого отношения к Шекспиру»⁵⁰.

Как и Залесский, Пузиков говорит о сложном языке критических статей Кржижановского, восприятие которых «во многом <...> затруднено новыми словообразованиями, которые предлагает автор: “Времяведение”, “драматургизмы”, “фактность” и т. п.»⁵¹

Среди немногих пригодных к изданию работ Кржижановского Пузиков выделяет «Шаги Фальстафа», правда, не знает, как исправить тот существенный недостаток, что Кржижановский не учел «классических высказываний Маркса об образе Фальстафа»⁵².

В целом вывод рецензента сводится к тому, что «сборник статей С. Кржижановского, в том виде, в каком он представлен в издательство, печатать нельзя»⁵³. Но, в отличие от Залесского, Пузиков говорит о возможности издания отдельных работ⁵⁴ и предлагает «ограничиться только статьями о драматургах: Шекспир, Шоу, Фредро. Его (данный сборник. – Е. Т.) можно назвать “Избранное”. В этом случае получилась бы небольшая, но органически связанная, оправданная книга. Размер ее составит 8–9 авторских листов (из представленных 25! – Е. Т.)»⁵⁵.

На основе отзывов рецензентов было составлено редакционное заключение. Но любопытно, что в архиве редакции находится не один, а два варианта заключения. В основу первого положен отзыв Пузикова, а второе базируется на рецензии Залесского.

В первом варианте заключения после традиционных слов об эрудиции Кржижановского, «таланте исследователя, характерного “лица необщим выраженьем”» говорится о его «праве на издание посмертного сб. статей»⁵⁶. Правда, одновременно отмечается большая пестрота представленных комиссией по литературному наследию материалов: «Все это вместе слишком пестро и никак не составляет единого сборника». В связи с этим редакция допускает гипотетическую возможность издания отдельным томом работ о Шекспире, так как они составляют большую часть представленных материалов. Однако тут же говорится, что «значительная часть этих работ не выдержала испытание временем, отражая на себе пороки 20–30-х годов – формалистический подход, а иногда и вульгарный социологизм, что мотивировано, убедительно показано в отзыве рецензентов. Кроме того, автор в своих работах шел всегда по периферии главной темы, отодвигая, вероятно из скромности, большой разговор о творчестве Шекспира на будущее, до которого он не дожил...»⁵⁷

В итоге, как и предлагал А. Пузиков, из представленного материала редакция «считает возможным отобрать всего одну треть – 8–9 листов, в которых дается анализ комедий Шекспира, Шоу и Фредро»⁵⁸. Отмечается и необходимость серьезной редакторской правки: «Редактировать этот сборник должен специалист-шекспировед, которому предстоит произвести необходимые купюры – убрать формалистические и вульгарно-социологические моменты <...> Удаление излишне усложненной лексики также будет способствовать успеху книги, написанной в основном живым литературным языком»⁵⁹.

Таким образом, в данном варианте заключения редакции при высказанных серьезных замечаниях все-таки говорится о возможности издания статей Кржижановского, правда, в сильно усеченном виде.

Второй вариант заключения гораздо более жесткий, однозначно отрицательный. Отдельные формулировки его совпадают с замечаниями в рецензии Залесского.

«Статьи Кржижановского, человека энциклопедически образованного, поражают эрудицией, отдельными остроумными догадками – но лишь на периферии главной темы (подчеркнуто автором. – Е. Т.). Во всех работах о Шекспире нет разговора о самом Шекспире, ибо нельзя назвать разговором те эмпирические попытки анализа каких-то отдельных элементов творчества Шекспира (ремарки, детские персонажи, роль образа “сна” в творчестве Шекспира, разговоры о т.н. “драматургизмах” и т. д.). Критик представляет

творчество Шекспира во множестве мельчайших подробностей, и за этими подробностями нет серьезных обобщений, которые могли бы рассказать о наследии великого драматурга»⁶⁰.

В целом говорится об отсутствии целесообразности издания работ Кржижановского о Шекспире: «Все большие работы о Шекспире насквозь формалистичны (об этом убедительно сказано в рец. Пузикова и Залесского), а мелкие, посвященные таким частным вопросам, и имеют очень узкое значение, что выпадают из профиля издательства “Советский писатель”»⁶¹.

Что касается других статей, то в работе «Искусство эпитафия» отмечается проявление космополитизма: «... явно преувеличено влияние западных литератур на Пушкина, неверно и бездоказательно, на наш взгляд, утверждение, что эпитафия – “знак связи новых культур со старыми, символ общения разноречивых литератур”»⁶². Остальные же работы «безусловно устарели»⁶³.

В отличие от первого варианта заключения редакции и рецензии Пузикова, в данном заключении подчеркивается невозможность редакторской правки, «ибо автора нет в живых. А КУПЮРАМИ В ДАННЫХ СТАТЬЯХ НЕЛЬЗЯ ОГРАНИЧИТЬСЯ»⁶⁴.

Высказывая предположение, что «другое издательство, например “Искусство”, заинтересуют работы о драматургии, это больше отвечает направлению их изданий», редакция критики и литературоведения заявляет, что «“Советский писатель” не может принять сборник избранных работ Кржижановского в таком составе»⁶⁵.

К сожалению, именно этот отрицательный вариант заключения и стал окончательным. На папке с обсуждением «Избранных статей» Кржижановского, так же, как и на папке с материалами по «Сборнику рассказов, повестей», представленной комиссией по литературному наследию в издательство «Советский писатель», одна и та же надпись: «ОТКЛОНЕНО».

Эта попытка опубликовать произведения писателя закончилась так же, как и почти все предыдущие, предприняемые самим Кржижановским. По воспоминаниям А. Г. Бовшек, «рукописи неизменно возвращались к автору, иногда сопровождаемые смущенной улыбкой и заверениями в том, что все в редакции читали... очень интересно, “но... не подходит”, иногда возвращались молча, обезображенные прямоугольным штампом с десятью буквами внутри: “Не печатать”. Эти “не подходит” и “не печатать” ложились тяжелым грузом на мозг, брали в тиски душу, наполняя ее обидой, болью, недоумением»⁶⁶. В размышлениях героев новелл писателя часто звучит авторский голос: «Сколько нас, перечеркнутых и отодвинутых за черту. Я не знаю, где наша литература: может на книжных витринах, а может, и в ящиках для рваной бумаги»⁶⁷.

Как можно судить по материалам архива Кржижановского, комиссия по литературному наследию

приняла еще один шаг. Она подготовила сборник критических статей писателя «О драматургическом мастерстве классиков», который был предложен редакции «Искусство». Сборник должен был состоять из двух разделов: первый был посвящен произведениям Шекспира, второй – «драматургам нового времени». В архиве хранится заявление комиссии в редакцию издательства «Искусство»: «Комиссия по лит.наследству С. Кржижановского просит издательство “Искусство” рассмотреть вопрос о публикации предлагаемой книги работ С. Кржижановского, будучи уверенной в том, что это собрание статей, с одной стороны, покажет во весь рост критическое творчество данного исследователя, а с другой – обогатит нашу литературу по теории и истории драмы»⁶⁸. Но в отличие от сильно урезанного сборника, который предлагал издать рецензент, комиссия надеялась издать более весомый том: «Объем сборника – 20 листов»⁶⁹.

В архиве редакции издательства «Искусство» не сохранилось никаких материалов, относящихся к данному сборнику. Но в материалах комиссии по литературному наследию Кржижановского находится еще одна рецензия, текст которой не совпадает ни с одним из отзывов, данных редакцией «Советский писатель». А так как рецензент говорит только о драматургических статьях Кржижановского («Это действительно очень своеобразные, не похожие ни на что другое из известных мне работ по драматургии»⁷⁰), есть все основания предположить, что это рецензия на сборник, предлагаемый в издательство «Искусство».

К сожалению, автора отзыва установить не удалось. Рецензия достаточно благожелательная. Хотя в ней и отмечается фрагментарность критических исследований писателя, но рецензент видит в этом «принцип, методологическую установку, теоретический прием»: «С. Д. Кржижановский никогда не стремится к тому, чтобы дать целостную картину, он высвечивает в исследуемом материале только то, что его заинтересовало, то, что увиделось ему по-особому самостоятельно и свежо»⁷¹. И далее: «С. Д. Кржижановский никогда не повторяет того, что уже вошло в обиход шекспироведения, стало общей нормой <...> Его интересы сосредоточены на том, что является если не его открытием (а часто и открытием), то составляет хотя бы своеобразный новый поворот в старой теме. И с этой точки зрения многие работы С. Д. Кржижановского доставляют подлинное наслаждение»⁷².

Наряду с этим высказывается серьезное замечание об ошибочности утверждения Кржижановского, «что Шекспир якобы в своих хрониках ощущал историю как “творимую сверху” <...> после позднейших исследований, предпринятыми советскими шекспирологами уже после появления этой работы С. Д. Кржижановского», такое утверждение кажется и не точным, и крайне схематичным»⁷³.

Автор рецензии рекомендует «сборник работ С. Д. Кржижановского» для издания отдельной

книгой. Думаю, что эта книга найдет своего благодарного читателя»⁷⁴. Тем не менее, тон рецензии оставляет двойственное впечатление: «Сейчас мы можем позволить себе роскошь издания и такой книги тоже <...> нужны и такие вот филологические разведки “при вспышке спички”, на которые был таким замечательным мастером покойный С. Д. Кржижановский»⁷⁵. При общем положительном отзыве автор рецензии говорит о необходимости внимательного редактирования книги и предлагает «исключить “Историю одной рукописи”, “Образ чайки”, статьи “Концовки шекспировских пьес”, “Военные мотивы у Шекспира”, “Детские мотивы у Шекспира” и “Воображаемый Шекспир”»⁷⁶. По мнению критика, следует исключить и статью об Островском, которая «не верна в ряде своих утверждений»⁷⁷. Таким образом, объем сборника должен был быть сокращен почти вдвое.

На обращении комиссии по литнаследию в редакцию издательства «Искусство» и на сохранившейся рецензии отсутствует дата, но, скорее всего, это 1959 год. Мае 1959 г. датирована более поздняя по времени рецензия Пузикова (отзыв Залесского подписан 14 ноября 1958 г.), а до этого не могло быть дано редакционное заключение. И, соответственно, еще была надежда на появление сборника Кржижановского в издательстве «Советский писатель». 1959 г. датирован и ответ Залесскому, написанный А. Г. Бовшек.

Кроме того, обращение комиссии по литнаследию в издательство «Искусство» подписано Дынник, Асмусом, Аникстом и Бовшек. Имя Е. Ланна, председателя комиссии, отсутствует в этом документе. Замечательный поэт и переводчик, автор исторических романов и книги по литературной мистификации, друг Волошина и Цветаевой, Евгений Львович Ланн умер осенью 1958 г.⁷⁸

Об отказе публиковать том художественных произведений (предполагаемый 2-й том двухтомника) Кржижановского стало известно раньше. Заключение редакции русской советской литературы датировано 24 октября 1958 г. Оно базируется на замечаниях, высказанных рецензентами, но, безусловно, однозначное решение не печатать прозу Кржижановского, вопреки мнению одного из них, А. Зонина, давшего заключение о возможной публикации избранных рассказов писателя, принималось под влиянием происходящего в стране.

23 октября 1958 г. Нобелевский комитет присудил премию по литературе Борису Пастернаку. И уже в этот день по инициативе М. А. Суслова Президиум ЦК КПСС принял постановление «О клеветническом романе Б. Пастернака», которое послужило началом травли писателя. Несмотря на изменения «оттепели», стало очевидно, что правила игры очередной раз непредсказуемо менялись. Печатать в такой обстановке Кржижановского представлялось редакции неприемлемым.

Анатолий Константинович Буцкой 27 декабря 1958 г. пишет А. Г. Бовшек: «Очень печально, что

расклеилось дело с опубликованием наследия Сиг.<измунда> Дом.<иниковича>. На это повлияли, наверно, истории с Дудинцевым и Пастернаком: очевидно редакторы, которые не обладают чутьем различения <??> (неразб. – Е. Т.), но зато дрожат за свою шкуру, решили перестраховаться. Но от этого, конечно, не легче»⁷⁹.

Вспоминается горький афоризм писателя: «Изд-во – не пойму: издательство или издевательство»⁸⁰. К сожалению, вывод Кржижановского: «Литература: борьба властителей дум с блюстителями дум»⁸¹, – прошел испытание временем, оказался актуальным и после смерти автора.

Возвращение произведений Сигизмунда Доминиковича Кржижановского было отложено еще на тридцать лет.

Примечание

- ¹ *Кржижановский С.* Собр. соч. : в 6 т. / сост., подг. текста и коммент. В. Г. Перельмутера. СПб. : Симпозиум, 2001–2013. (Последние тома (5 и 6) вышли – М. : Б.С.Г.-Пресс ; СПб. : Симпозиум).
- ² Письмо А. Буцкого А. Бовшек от 11.03.1951 // РГАЛИ. Ф. 2280. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 2 об.
- ³ См.: *Перельмутер В.* Комментарии // Кржижановский С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. С. 515.
- ⁴ Письмо Е. Г. Лундберга А. Г. Бовшек от 8.11.56 // РГАЛИ. Ф. 2280. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 4.
- ⁵ Виктор Николаевич Ильин, ответственный секретарь правления Московского отделения Союза писателей (1956–1977 гг.), генерал-лейтенант в отставке, сделал стремительную карьеру в ОГПУ–НКВД в тридцатые годы, был арестован в 1943 г. после конфликта с Абкумовым.
- ⁶ См.: Материалы комиссии по литературному наследию С. Д. Кржижановского 1957–1959 // РГАЛИ. Ф. 2280. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 4.
- ⁷ Там же. Л. 5.
- ⁸ Там же. Л. 7.
- ⁹ Там же. Л. 16.
- ¹⁰ Там же. Л. 18.
- ¹¹ Там же. Л. 19.
- ¹² *Перельмутер В.* Комментарии // Кржижановский С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. С. 702.
- ¹³ *Эткинд Е.* Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001. С. 135.
- ¹⁴ Рецензии на произведения автора Кржижановского С. Д. «Сб. рассказов, повестей». Изд-во «Советский писатель». Ред. русской советской прозы // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 18. Ед. хр. 644. Л. 8.
- ¹⁵ Там же. Л. 13.
- ¹⁶ Там же. Л. 15.
- ¹⁷ Там же. Л. 13.
- ¹⁸ Там же. Л. 17.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: *Зонин С. А. И. Зонин* // Распятые / авт.-сост. З. Дичаров. СПб., 1994.
- ²¹ Рецензии на произведения автора Кржижановско-

- го С. Д. «Сб. рассказов, повестей». Изд-во «Советский писатель». Ред. русской советской прозы. Л. 18.
- 22 Там же. Л. 19.
- 23 Там же. Л. 21.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же. Л. 22.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 «Я бы рекомендовал для такого сб.: Сбежавшие пальцы. Квадрат Пегаса. История пророка. Жизнеописание одной мысли. Грайи. Путешествие тени. Некто. Ветряная мельница. Голова с поклоном. Прикованный Прометей. Кунц и Шиллер. Все это из “Сказок для вундеркиндов”. Теперь из кн. “Рассказы”: Можно напечатать “Ганс и Фриц”, хотя это очень традиционное подражание нем. пацифистской лит-ре <...> Затем: Воздух родины. Немая клавиатура. Тридцать серебрянников. Рис<унок> пером. Гусь. Контролер. Раскулаченный боксер. Три сестры. Хлеб наш насущный». (Рецензии на произведения автора Кржижановского С. Д. «Сб. рассказов, повестей». Изд-во «Советский писатель». Ред. русской советской прозы. Л. 23–24).
- 30 Там же. Л. 24.
- 31 Там же. Л. 1.
- 32 Авторское дело. Кржижановский С. Д. «Избранные статьи». Рецензенты: Залесский В. Ф., Пузиков А. И. Изд-во «Советский писатель». Редакция критики и литературоведения // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 18. Ед. хр. 2699. Л. 6.
- 33 Там же. Л. 1.
- 34 Там же. Л. 4.
- 35 Там же. Л. 4–5.
- 36 Там же. Л. 5.
- 37 Там же. Л. 6.
- 38 Там же. Л. 7.
- 39 Там же. Л. 10–12.
- 40 Там же. Л. 12.
- 41 Там же.
- 42 Материалы комиссии по литературному наследию С. Д. Кржижановского 1957–1959. Л. 38.
- 43 Там же. Л. 36–37.
- 44 Там же. Л. 37.
- 45 Там же. Л. 39.
- 46 Авторское дело. Кржижановский С. Д. «Избранные статьи». Рецензенты: Залесский В. Ф., Пузиков А. И. Изд-во «Советский писатель». Редакция критики и литературоведения. Л. 16.
- 47 Там же. Л. 18.
- 48 Там же. Л. 21.
- 49 Там же.
- 50 Там же.
- 51 Там же. Л. 20.
- 52 Там же. Л. 22.
- 53 Там же. Л. 24.
- 54 С точки зрения Пузикова, «приемлемым для издания и то при условии тщательного редактирования, можно считать статьи: “Комедии молодого Шекспира”, “Фрагменты о Шекспире”, “Воображаемый Шекспир”, “Шаги Фальстафа”, “Драматургия Ал. Фредро”, “Драматические приемы Шоу»». (Там же.)
- 55 Там же.
- 56 Там же. Л. 26.
- 57 Там же.
- 58 Для сборника рекомендуются следующие статьи: Комедии молодого Шекспира. Фрагменты о Шекспире. Воображаемый Шекспир. Шаги Фальстафа. Сэр Джон Фальстаф и Дон Кихот. Драматургические приемы Б. Шоу. Одноактный Шоу. Драматургия Александра Фредро (Там же. Л. 27.)
- 59 Там же.
- 60 Там же. Л. 28.
- 61 Там же. Л. 29.
- 62 Там же.
- 63 Там же. Л. 30.
- 64 Там же. Л. 29.
- 65 Там же. Л. 30.
- 66 Бовшек А. Глазами друга : Материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского // Великое культурное противостояние : Книга об Анне Гавриловне Бовшек / сост. А. Леонтьев при участии Н. Кашиной ; предисл. М. Давыдовой. М., 2009. С. 39.
- 67 Кржижановский С. Швы // Кржижановский С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. С. 403.
- 68 Материалы комиссии по литературному наследию С. Д. Кржижановского 1957–1959. Л. 49.
- 69 Там же.
- 70 Там же. Л. 40.
- 71 Там же.
- 72 Там же. Л. 41.
- 73 Там же. Л. 42.
- 74 Там же. Л. 46.
- 75 Там же. Л. 45.
- 76 Там же. Л. 46.
- 77 Там же.
- 78 После тяжелой болезни Ланна и обнаружения рака у его жены Александры Владимировны Кривцовой супруги решили одновременно уйти из жизни, но Ланн выжил и в больнице признался, что это он отравил жену, на него было заведено уголовное дело, но 2 ноября 1958 г. он умер (См.: *Баевский В.* Жизнь и смерть Евгения Ланна // Изв. АН. Сер. литературы и языка. 2003. Т. 62, № 5). О резонансе произошедшей трагедии косвенно свидетельствует письмо К. Федина Д. Поликарпову (заведующему отделом культуры ЦК КПСС (1955–1962)) 28 октября 1958 г. Федин сообщает, что, по словам пришедшей к нему Ольги Ивинской, «у него (Пастернака. – Е. Т.) с ней “остается только выход Ланна” <...> По словам ее, П [астернак] будто бы спросил ее, согласна ли она “уйти вместе”, и она будто бы согласилась». (Континент. 1995. № 1. С. 202.)
- 79 Письмо А. Буцкого А. Бовшек от 27.12.58 // РГАЛИ. Ф. 2280. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 4.
- 80 Кржижановский С. Из архива Пруткова-внука // Кржижановский С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. С. 322.
- 81 Кржижановский С. Записные тетради // Там же. С. 413.